

УДК 9(571.53)084.8

Документы ГАНИИО о начале Великой Отечественной войны

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу документов, рассказывающих о событиях первых месяцев Великой Отечественной войны в далеком тылу, каким была Иркутская область. Основная часть материалов публикуется впервые.

Ключевые слова: Государственный архив новейшей истории Иркутской области, документальный материал, Великая Отечественная война.

Государственный архив новейшей истории Иркутской области – один из старейших архивов нашей страны. История его создания ведет свое начало с сентября 1920 г., когда декретом СНК при Наркомпросе была создана Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции. К 1941 г. в архиве числилось 212 фондов, 50 360 дел. Сегодня здесь сосредоточено 765 380 единиц хранения в 3628 фондах [1].

Великая Отечественная война – одно из главных событий мировой истории XX в. – представлена в ГАНИИО документальным материалом сотен партийных, советских и общественных организаций Иркутской области, рассказывающим об организации в регионе мощного промышленного центра материально-технического снабжения Красной Армии, мобилизации населения, обучении и подготовке потенциального резерва, создании относительно нормального и стабильного в условиях войны обеспечения людей жильем, продовольствием, товарами первой необходимости.

Фонды архива донесли до нас большое количество документальных свидетельств того времени – постановления партийных и властных структур, делопроизводственные материалы, статистику, периодику, мемуарную литературу. Рассмотрим здесь документы, созданные, прежде всего, «простыми» участниками тех событий – рабочими, колхозниками, служащими, учащимися школ. Именно эти материалы, с одной стороны, наиболее полно передают событийный и духовный мир своих героев, с другой – наименее искажены официальной идеологией, а значит, заслуживают сегодня наибольшего доверия. Из свидетельств этого вида, обратим внимание, прежде всего, на заявления граждан – жителей Иркутской области – с просьбой о направлении в ряды действующей Красной Армии.

В большинстве приводимых здесь документов сохранены особенности орфографии и пунктуации – они так же, как и сам текст, участвуют в передаче «духа» того времени.

Глубоко в тылу на военный лад перестраивались не только заводы и сельскохозяйственные предприятия. Начавшаяся война должна была изменить и, действительно, коренным образом менять жизнь целых поколений, и в первую очередь, молодежи, уходившей на фронт. Большая часть аккуратно прошитых и пронумерованных заявлений лаконичны и кратки, в две-три строки. В них содержится лишь просьба отправить на фронт. Однако за этой краткостью хорошо различимы решительность, готовность последовательно отстаивать свое право на защиту родины, упорство в достижении поставленной цели, и конечно, самоотверженность и преданность отечеству.

Поражает неподдельная искренность этих документов. Вот, например, заявление ученицы седьмого класса Суетихинской школы Галины Недосекиной: «Прошу РВК принять меня в Рабоче-Крестьянскую Армию на помощь нашим славным бойцам, защитникам социалистической Родины, на защиту нашей могучей непобедимой страны.

Поступив в РККА, я все свои силы отдам на защиту мирного населения. Поступив в РККА, я обещаюсь выполнять возложенные на меня задания честно и добросовестно, как учил нас великий Сталин. Я иду добровольно на защиту нашего Отечества. 8/VIII-1941 г.».

Видно, что строки старательно выводила еще детская рука. Да и содержание, и тон письма убеждают в том, что его автор имел лишь небогатый житейский опыт, приобретенный в школе: вместо «зачислить» в ряды Красной Армии, она пишет «принять» и тут же, «поступив», «обещает» выполнять возложенные на нее «обязанности честно и добросовестно» [2].

Еще письмо школьницы, датированное пятым днем от начала войны: «Я ученица 9-го кл. 9-й средней школы. Заслушав речь В. М. Молотова о наглом нападении фашистской Германии на наш Советский Союз, я, комсомолка Димова Виталия Андреевна, прошу зачислить меня в ряды военных медсестер. Прошу не отказать в моей просьбе. Обратный адрес: ул. Тимирязева № 35, кв. 5» [3].

Стремление как можно быстрее попасть на фронт было характерным не только для учащейся молодежи. В действующую армию записывались и люди пожившие, с немалым житейским опытом. Вот, например, заявление М. Н. Линкевич: «В настоящий момент, когда вся страна поднялась на защиту нашей любимой цветущей Родины, я горю желанием отдать все свои силы и энергию для плодотворной работы по уходу за ранеными бойцами и командирами, героически сражающимися на полях битвы с фашистскими извергами.

Я прошу послать меня на фронт. Я буду, как мать, ухаживать за ранеными. Я имею от роду 52 года, но чувствую себя бодро. Я являюсь матерью красноармейца, который сражался с белофиннами и сейчас сражается с фашистами на германском фронте. Я работала в городской больнице санитаркой, в яслях медсестрой, в Боханской больнице медсестрой, в военном госпитале санитаркой-надзирательницей, сестрой-хозяйкой. Работы не боюсь» [4].

Женщина стремится быть вместе с сыном, наверное, самым дорогим для нее человеком. Ей очень важно попасть на фронт, отсюда и дань принятому тогда высокопарному и, конечно же, во многом искусственному, слогу – «нашей любимой цветущей Родины...». Подобный стиль вольно или невольно присущ практически всем заявлениям добровольцев. В этом не только следование принятому стереотипу, следствие официальной пропаганды и идеологии. Люди, как видим, стремились защищать именно родину, а не существовавший государственный строй.

Фонды Государственного архива хранят не только заявления «благонадежных граждан», комсомольцев и коммунистов, но и просьбы об отправке на фронт от так называемых «спецпоселенцев». Сибирь и при Советской власти исправно выполняла роль самой большой государственной «тюрьмы без решеток». Еще в начале 1930-х гг. здесь стали создаваться специальные лагеря для не принявших политику коллективизации и раскулаченных. Уже в 1931–1932 гг. в Восточную Сибирь было выслано около 27 тыс. семей, в составе которых числилось почти 92 тыс. человек. Для размещения спецпереселенцев и работы с ними на территории области создавались комендатуры: Бодайбинская, Зиминская, Иркутская, Киренская, Нижнеудинская, Тайшетская, Черемховская. Только в ведении Черемховской и Тайшетской комендатур состояло 27 поселков и 20 348 спецпереселенцев [5].

Спецпереселенцы в принудительном порядке подлежали распределению на предприятия области, а также работам в сельскохозяйственных артелях. Наибольшее количество «контингента» было привлечено к работе на лесозаготовках, в горнодобывающей и угольной промышленности. Перед войной, в 1940–1941 гг., за Уральский камень стали высылать «беженцев» из Западной Украины и Белоруссии, а также Польши – более 31 тыс. человек. Положение спецпереселенцев отличалось от положения заключенных только тем, что они были без постоянной охраны, могли «в ограниченном порядке» общаться с местным населением. В годы войны поток «перемещенных лиц» не прекращался, а лишь усилился. Всего на 1 января 1953 г. только в Восточной Сибири состояло на учете более 307 тыс. семей поселенцев [6].

Люди, жестоко пострадавшие от государственной власти, тем не менее, стремились встать на защиту своей страны, родных мест, откуда их «переселили в целях укрепления границ». Вот только одно из заявлений, поданное «комиссару Тайшетского городского военкомата т. Андрееву от спецпереселенца Кондрацкого И. И., поселок Квиток, барак № 4, кв. 21: «В связи с начавшимися событиями на западной границе, я, как гражданин СССР, прошу Вашего ходатайства перед вышестоящим командованием РККА об отправке меня на фронт, т. е. в район событий. Я, как гражданин СССР, в данный момент даю клятву Советскому Правительству, народу и лично Сталину» [7].

Как видим, автор заявления только лишь «просит ходатайства», а не требует отправить его на фронт. При этом, клятва в верности Советской власти, лично Сталину выступает, скорее всего, не просто как обязательный атрибут такого рода документов, а как свидетельство благонадежности Кондрацкого, что должно было определить его дальнейшую судьбу.

Сколько заявлений о направлении в действующую армию было написано жителями Иркутской области? Увы, такая цифра пока не известна. Этот труд по-прежнему ждет своего исследователя. Между тем, имея подобные данные, можно было бы установить своеобразный количественный показатель таких трудно фиксируемых, но очень нужных, в истории социальных категорий, как «патриотизм», «любовь к родине», «чувство долга».

Немало заявлений было подано уже в первый день войны непосредственно на митингах и общих собраниях. Митинги прошли на всех средних и крупных предприятиях области, в колхозах, школах, вузах. Конечно, эти «мероприятия» были инициированы партийными и советскими органами, проведены под их руководством, по их сценарию. Однако рядовых и номенклатурных участников объединяло здесь много общего – тревога за свою судьбу и судьбу страны, страх перед неопределенностью, предчувствие надвигающихся суровых испытаний. Вот как, например, описывает подобные митинги секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Иркутска Новейченко: «1. Завод 104. Митингами охвачены 70 % работающих на заводе. На митингах выступили 17 человек. Многие просятся на фронт. Таких заявлений 47 – главным образом, от коммунистов и комсомольцев. Все выступающие говорят о выполнении и перевыполнении плана. Есть много сигналов, что отстающие элементы производят массовую закупку продуктов, мыла, спичек, соли. Есть заявление, что один рабочий купил 60 кусков мыла. Фамилия скупщика мыла – Мальшев. 2. Комбикормовый завод. Митинги провели по бригадам и сменам. Охвачены митингами 110 человек, на митингах выступали 3 человека. Настроение у рабочих приподнятое. Проведено совещание агитаторов. 3. Мясокомбинат. Проведено 7 митингов, охвачены 625 человек, выступали 9 человек. Выступающие призывали поднять производительность труда, повысить бдительность и усилить оборонную работу. Врач взялся готовить значкистов ГСО. Общее настроение рабочих исключительно приподнятое, боевое. Однако есть случаи отрицательных настроений. В магазинах раскупают нарасхват пищевые продукты. Парторганизация посылала агитаторов в магазины для разъяснений. Имеется случай, когда кастелянша распускала слух, что будто бы в армию будут брать 13-летних мальчиков. <...> 15. Дистанция пути Иркутск II. На митингах были 200 человек, выступили 6 человек. Выступающий тов. Горбушин, старший путевой обходчик, сказал, что «за зуб советского гражданина, надо выбивать всю челюсть» [8].

Отчет секретаря райкома составлен 23 июня, на второй день войны, поэтому в нем нет еще казенного ура-патриотизма, столь присущего подобным документам позднее. Вот почему здесь и описание очередей в магазинах, и скупщик мыла, и совершенно замечательные слова про необходимость выбить врагу челюсть... Именно простой, «человеческий», бесхитростный язык документа внушает к нему доверие: значит, события, о которых говорит автор, действительно имели такую эмоциональную окраску.

А вот пример другого отчета. Документ изобилует штампами, казенными оборотами, впечатляющими показателями. Все это должно было убедить вышестоящее начальство в кипучей деятельности секретаря, преданности

«делу партии»: «В шахте № 8 в утренней смене на митинге присутствовали 250 горняков. В ответ на призыв вождя народов тов. Сталина горняки единодушно заявили, что они усилят свою работу и этим создадут дополнительные запасы топлива для нашей промышленности и транспорта, создадут еще более прочную основу для героической борьбы Красной Армии против фашистских захватчиков <...> На всех сменах шахты № 7 также состоялись митинги. Начальник участка тов. Тараненко говорил: «Кровавый Гитлер хочет поработить свободный счастливый советский народ и посадить нам на шею царя. При царе я работал в шахте по 18 часов, над нами издевались, полицейский кнут и нагайка свистели над нами. Царя мы сбросили навсегда. Пытаться посадить на шею свободному советскому народу царя – это все равно, что пытаться остановить движение солнца!» [9]

Не все, конечно, беззаветно верили в Советскую власть или разделяли коммунистические идеалы. Немало было и противников существующего строя, тех, кому советская власть принесла гибель близких, материальное разорение, моральные и физические страдания. Начавшуюся войну они восприняли по-своему. Практически все «враги», «паникеры», «распространители ложных слухов» – именно так их именovala официальная пропаганда – связывали нападение фашистов с коренными социально-политическими изменениями: прежде всего, упразднением колхозов, возвращением «единоличных» хозяйств, наделением «своей» земель. Закрытые, долгое время хранившиеся в архиве под грифом «секретно» донесения партийных работников или сотрудников Управления НКВД по Иркутской области бесстрастно фиксировали подобные «настроения».

Читаем, например, сводку секретаря Братского райкома ВКП(б) Горошеникова: «1. По сообщению члена ВКП(б) тов. Московских в докладной от 5/VIII-1941 г.: член колхоза им. Куйбышева Н-Шаманского сельсовета Непомилуев Яков Капитонович, когда узнал, что германские самолеты налетали на Москву, заявил: «Хотя бы убили Сталина, тогда колхозов не будет, работать будем всяк по себе». Разлагает трудовую дисциплину в колхозе, Непомилуев Я. К., бывший кулак, и сын его Иннокентий репрессирован органами НКВД. Ведется следствие. 2. Шофер «Якуттранса» Васильев Иван П. на перевозке грузов на тракту остановил машину. Когда подъехал второй шофер и сделал ему замечание: «Что ты стоишь? Нужно выполнять план, ведь военное время!», он ответил: «На какой ... выполнять план? Надо помогать фашистам, а не уничтожать их!». А на слова шофера: «Ведь это же контрреволюция!», Васильев схватил ружье и пытался застрелить второго шофера» [10].

А вот материал из справки секретаря Иркутского обкома ВКП(б) Качалина: «После сообщения по радио речи тов. Молотова о выступлении Германии с войной на СССР, гражданка Талько М. И., проживающая в г. Иркутске, повела антисоветскую агитацию среди жильцов своей усадьбы. Она заявляла: «Это все к лучшему. Помните мои слова, с приходом Германии жить будет лучше». Эту агитацию она продолжала в течение двух дней. Талько арестована. После чего оказалось, что по национальности она полька, уроженка г. Варшавы, переезжала из города в город. Муж и сын в 1938 г. репрессиро-

ваны органами НКВД». А вот еще: «...Галичев, работающий в данное время в «Райлесхозе» бригадиром столярного цеха, тот заявляет таким образом: «Дождались». Конечно, он имеет в виду то положение, которое проходит на западе. Кто он какой? Каратель, который сражался с партизанами и красноармейцами...» [11].

Подобных примеров можно привести еще несколько. Однако, вот на что следует обратить внимание – люди, выражавшие недовольство политическим строем страны, конкретными руководителями, не заявляли об отказе от родины, отечества, своей национальности. Во всяком случае, таких фактов документы архива не содержат.

Есть в фондах ГАНИИО и документальные свидетельства дезертирства советских людей. Таких материалов немного, лишь несколько справок и донесений. Отчеты соответствующих служб сухо рассказывают о тех, кто прятался от мобилизации, стремился уйти в тайгу и там отсидеться. Вряд ли все эти люди были злостными врагами Советской власти, уклонялись от службы из идейных соображений. Скорее всего, все их беды от малодушия и трусости, да, может быть, еще от нежелания трудиться в принципе, ведь война – это также тяжелый труд. Приведем здесь только один документ.

« <...> По полученным аг. данным об обнаружении в тайге 2-х землянок в которых предполагалось нахождение кого-либо из указанных выше дезертиров 16/1Х-42 г. произведена проверка этих землянок, первая устроенная из осинника над выкопанной ямой и покрытая корой в местности «Сафрониха», что в 4-х км от подсобного х-ва Оекского с/по принадлежит бандиту Комарову, который проживал в землянке-шалаше летом и также занимался сенокосом. При осмотре в шалаше не найдено признаков пребывания в нем человека <...> У отца Комарова, проживающего на подсобном хозяйстве Оекского с/по, изъято 3 ружья гладкоствольных, с места нахождения Кузнецова и Широнова новых данных не получено, о их нахождении не установлено, у своей семьи не появлялись.

При проверке второй землянки в вершине Карнагоя, что в 10–12 км от дер. Тихонова-Падь 18/1Х-42 г. там задержан некто Иванов Федот Григорьевич 1890 г. рождения с. Горохово, проживает г. Иркутск ул. 1-й Линии, дом № 8 нигде не работает, документов не имеет, хорошо грамотный, одинок, у него обнаружен и изъят револьвер «Наган» № 126 266 с семью боевыми патронами, якобы наган этот подарен знакомым неким Амосовым, сейчас призванным в Армию, 2 ножа, 3 кирпича хлеба, картофель и другие овощи <...>

18/1Х-42 г. в дер. Талька Хомутовского с/совета в своем доме в подполье в специально приготовленном убежище задержан уч. уполномоченным т. Смолевым дезертир РККА осужденный 28/УП-42 г. и приговорен к 10 г. лишения свободы и вновь сбежавший Тихонов Григорий Петрович 1904 г. рождения, сведения о его месте нахождения получены от доверенного лица гр. Морозова.

20/1Х-42 г. в дер. Максимовщина, Котинского с/совета, задержан гр-н Другов Михаил Иванович 1912 г. рождения без определенных занятий, уроженец дер. Тугутай Усть-Ордынского округа, при проверке документов у не-

го установлено, что Другов уклоняется от явки РВК, не состоит на военном учете, при личном обыске у Другова обнаружена сектантская литература, Другов арестован и передается суду по ст. 193 п. 10 УК.

18/IX-42 г. в дер. Галковщина колхозником обнаружен в лесу спящим – Шибанов Михаил Павлович 1924 г. рождения с. Галки, который уклоняется от явки по призыву, скрывался в лесу и занимался кражами, Шибанов был связан и обезоружен (с ним было дробовое ружье) и доставлен в с/совет, где председатель с/совета женщина учинила допрос, во время которого Шибанов попросился на двор и, будучи выведен безоружным колхозником, бросился бежать со связанными руками и убежал в лес. Опер. уполномоченный Иркутского УНКВД Леонтьев, встретивший бегущего преступника, произвел в него два выстрела, но промахнулся.

По Шибанову озадачена его мачеха, которая дала обязательство доставить Шибанова властям <...> 25 сентября 1942 г. Зам. начальника Иркутского РО УНКВД мл. лейтенант милиции *Щукин* [12].

Сколько человек было направлено военкоматами области в действующую армию? Фонды ГАНИИО исчерпывающего ответа на этот вопрос, к сожалению, не содержат: документы Министерства обороны СССР хранятся здесь лишь в виде директивных или инструктивных материалов, а также в качестве переписки с местными партийными, советскими или общественными организациями. О числе ушедших на фронт можно судить по некоторым документам Иркутского обкома ВКП(б), однако эти сведения носят отрывочный характер. Возьмем поэтому уже устоявшую и вошедшую в литературу цифру – «более 200 тысяч человек». [13]. Если сравнить эти данные с количеством проживавших на территории области на 1 января 1940 г. – 1351,8 тыс. человек [14] – получим, что в воинские части был призван каждый 6-7-й житель нашего региона. Вычтем из общей цифры стариков и детей, частично женщин, и окажется, что на фронте побывал, по всей видимости, каждый второй мужчина призывного возраста!

Когда читаешь пожелтевшие архивные документы военного времени, поражает огромное количество денежных средств, пожертвованных рабочими и крестьянами на оборону и укрепление боеспособности Красной Армии. Вот только несколько документальных примеров: бухгалтер артели «Кахетия» г. Иркутска Седых В. П. в первые дни войны внес в фонд обороны из своих сбережений 6000 руб.; 24 июня семь работников терапевтической клиники медицинского института во главе с профессором Орловым подписались на 2150 руб.; машинист Бодайбинской железной дороги тов. Краут внес в начале июля платеж по займу вперед за два месяца; колхозники сельхозартели «Красный Октябрь» отчислили в фонд обороны 300 трудодней; актив домашних хозяйек Ленинского района собрал на подарки для бойцов и командиров действующей армии 7790 руб. и т. д. Только за 3–6 августа 1941 г. от рабочих и служащих Иркутска в госбанк и сберкассы поступило 118 885 руб. Уже к 1 октября 1941 г. от жителей области во всенародный фонд обороны было принято почти 9 млн руб. деньгами и 20 млн облигациями. Всего же за годы

войны от иркутян на вооружение для Красной Армии было перечислено более 117 млн руб. [15].

Невольно возникает вопрос, а какова же была заработная плата у рабочих, колхозников, людей интеллигентного труда, проживавших в Иркутской области? По данным А. В. Шалака, заработная плата рабочих Восточной Сибири в годы войны была значительно ниже средних показателей по стране, хотя и росла с 378 до 465 руб. в месяц. Усредненный уровень зарплаты существенно отличался от заработка, скажем, забойщика (670–1160 руб.), преподавателя вуза (2300), рабочего химической промышленности, железнодорожного или водного транспорта, не говоря уже от размера оплаты труда руководителя предприятия или учреждения. Однако более половины рабочих Восточной Сибири в целом, как считает историк, имели зарплату менее 300 руб. в месяц. Оплата труда колхозников вообще существовала практически номинально. При этом крестьянин нес все тяготы по снабжению действующей армии продовольствием и сельскохозяйственным сырьем [16].

Без преувеличения можно сказать, что труженики промышленных и сельскохозяйственных предприятий, служащие различных учреждений отдавали в фонд обороны страны практически все свои средства. К тому же надо учитывать и то, что в этот период были значительно повышены налоги, отменялись доплаты за работу в удаленной местности, временно прекращались отпуска и выплата компенсаций за них. В этих условиях вполне понятны и объяснимы факты недовольства, естественной усталости от тягот войны, зафиксированные в документах.

Вот, например, докладная записка начальника Иркутского РО НКВД младшего лейтенанта госбезопасности Мироненко от 9 февраля 1942 г.: «Настоящей докладной запиской ставлю Вас в известность о настроениях среди эвакуированных жен начсостава РККА и семей красноармейцев нашего района. Из Пашкинского МЛП Теешкина А. В. сообщает своему мужу на фронт, следующее: «Остались дома только партийцы, которые наложили на себя бронь, да те, кому уже около 50 лет, остальные пожилые мужики, но издеваются как помещики, начальство не обращает внимания, а налоги тянут». Или из с. Б-Разводная Черных Анна Михайловна в Читу своему мужу пишет: «Я сейчас как рыба об лед бьюсь и не могу ничего добиться, все из-за тебя, из-за твоего колхоза, сколько я тебе говорила, бросай колхоз, а ты за него держался, а теперь семья хоть с голоду умирай». Из совхоза им. Сталина Максимовского с/совета, Копылова К. В. своему мужу пишет на фронт: «У нас в совхозе плохо, просто голод, новый директор еще хуже, говорит, всех заморю». С Суховского с/Совета учительница Романова пишет в Читу своему мужу Липинскому: «Я за этот месяц не получу больше 100 руб. так как нас заставили подписаться на лотерею на 95 % заработка, я и так знаю, что ты выиграешь от жилетки рукава, я тоже выиграю столько же». Подобных писем поступает очень много ... со следующих с/советов Урик, Хомутово, Оек, Галки и ряда других, а из села Хомутово... одна жена командира в отчаянии пишет: «Или заberi меня отсюда или я здесь вместе с ребенком умру голодной смертью» [17].

Подобные документы перемежаются в архиве с многочисленными «инициативами трудящихся области», иллюстрирующими преданность «ленинско-сталинскому курсу». Вот лишь некоторые из общей массы. 25 октября 1941 г. обком комсомола, «обсудив письмо комсомольцев колхоза имени Дзержинского Аларского района и обращение колхозников артели «По заветам Ленина» Усольского района о выращивании и откармливании свиней для Красной Армии, постановил обязать секретарей РК ВЛКСМ и сельские первичные комсомольские организации...добиться, чтобы каждый комсомолец-колхозник выкормил одну свинью весом не менее одного центнера для РККА». Райкомы обязывались также вести точный учет откармливаемых свиней в районе и колхозе, а также их сдачу в фонд РККА [18].

Надо сказать, что точный учет выращенных комсомольцами свиней действительно велся – крестьяне, испытывая жесточайший голод, тем не менее, выполняли кем-то инициированное обязательство и сдавали последнее государству. Да и как не сдать?! Сдача мяса, молока, шерсти была во многих хозяйствах государственной нормой. За невыполнение плановых поставок была предусмотрена судебная ответственность.

А вот еще почин: «рабочие, ИТР, служащие Нижне-Бодайбинского, Ленинского и других приисков обратились ко всем трудящимся района отработать один из выходных дней или отчислить однодневный заработок в фонд помощи действующей Красной Армии. Вызов указанных приисков подхвачен всеми трудящимися района». Здесь же сотрудники «управления треста «Лензолото» обратились с просьбой войти с ходатайством в правительство о прекращении оплаты выигрышей по всем займам впредь до полного разгрома врага» [19].

Чего больше в этих примерах, бескорыстия, героизма и трудового подвига, самоотдачи или же стремления партийной и советской номенклатуры, получавшей совершенно другую заработную плату и другие пайки, заявить о своей «крупной руководящей работе», о собственной значимости и незаменимости? И опять же, наверное, нет четкого ответа на этот вопрос. Война многонационального народа и война партийно-советской бюрократии – явления различные. Это реальность, от которой нельзя отмахнуться, ее надо обязательно изучать. Сегодня для подлинного и объективного исследования тех событий имеются многие условия. Одно из главных – открытые фонды ГАНИИО.

Настоящий архивный материал собирался автором совместно с профессорами ИГУ С. И. Кузнецовым и Ю. А. Петрушиным в качестве основы готовящейся к изданию документальной книги об участии иркутян в Великой Отечественной войне.

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области : путеводитель / сост. М. Д. Покачалова, Т. Г. Щербакова. – Иркутск : Оттиск, 2008. – С. 12.

2. ГАНИИО. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 566. Л. 70. Подлинник.

1. The Contemporary History State Archive of the Irkutsk region (CHSAIR): guide book / comp. M. D. Pokachalova, T. G. Chcherbakova. – Irkutsk : Ottisk, 2008. – P. 12.

2. CHSAIR. Fund 199. Inventory 1. Document 566. Page 70. Original.

3. ГАНИИО. Ф. 20. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 22. Подлинник.
4. ГАНИИО. Ф. 20. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 203. Подлинник.
5. *Наумов И. В.* Спецпереселенцы в Восточно-Сибирском крае (1930–1936 гг.) // Сибирская ссылка. – Иркутск, 2009. – Вып. 5 (17). – С. 463.
6. *Занданова Л. В.* Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930–1950-х гг. // Сибирская ссылка. – Иркутск, 2005. – Вып. 3(15). – С. 132, 134.
7. ГАНИИО. Ф. 199. Т. 1. Ед. хр. 566. Л. 27. Подлинник.
8. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 8а. Ед. хр. 124. Л. 10, 11. Подлинник.
9. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 7. Ед. хр. 662. Л. 21–26. Подлинник.
10. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 7. Ед. хр. 586. Л. 60–61 об. Подлинник.
11. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 7. Ед. хр. 559. Л. 24–28. Подлинник; Ед. хр. 586. Л. 45. Подлинник.
12. ГАНИИО. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 727. Л. 57–57 об. Подлинник.
13. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. – Новосибирск, 2009. – Ст. 653.
14. *Шалак А. В.* Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950-е гг.) / А. В. Шалак. – Иркутск, 2000. – С. 52.
15. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 7. Ед. хр. 564. Л. 240; Ед. хр. 564 а. Л. 17 об.; Ед. хр. 586. Л. 60; Ед. хр. 581. Л. 17; Ед. хр. 597. Л. 11; Очерки истории Иркутской организации КПСС. Ч. 2. Кн. 1. – Иркутск, 1976. – С. 375.
16. *Шалак А. В.* О формах материального стимулирования труда в условиях карточной системы распределения (на примере Восточной Сибири 1941–1947 гг.) // Историко-экономические исследования. – 2002. – № 1. – С. 112–116.
17. ГАНИИО. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 727. Л. 3–4. Подлинник.
18. ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 143. Подлинник.
19. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 7. Ед. хр. 581. Л. 17. Подлинник.
3. CHSAIR. F. 20. Inv. 2. D. 41. P. 22. Original.
4. CHSAIR. F. 20. Inv. 2. D. 41. P. 203. Original.
5. *Naumov I. V.* Particular immigrants in the East-Siberian krai (1930–1936-s) // Siberian exile. – Irkutsk, 2009. – Issue 5 (17). – P. 463.
6. *Zandalova L. V.* Siberian exile in the period of Stalin's governing: special resettlement in 1930–1950-s // Siberian exile. – Irkutsk, 2005. – Issue 3 (15). – P. 13, 134.
7. CHSAIR. F. 199. V.1. D. 566. P. 27. Original.
8. CHSAIR. F. 159. Inv. 8a. D. 124. P. 10, 11. Original.
9. CHSAIR. F. 127. Inv. 7. D. 662. P. 21–26. Original.
10. CHSAIR. F. 127. Inv. 7. D. 586. P. 60–61 rev. Original.
11. CHSAIR. F. 127. Inv. 7. D. 559. P. 24–28 rev. Original; D. 586. P. 45. Original.
12. CHSAIR. F. 191. Inv. 1. D. 727. P. 57–57 rev. Original.
13. Historical Encyclopedia of Siberia. Vol. 1. – Novosibirsk, 2009. – Art. 653.
14. *Shalak A. V.* Social problems of Eastern Siberia population: (1940–1950-s) / A. V. Shalak. – Irkutsk, 2000. – P. 52.
15. CHSAIR. F. 127. Inv. 7. D. 564. P. 240; D. 564 a. P. 17 rev.; D. 586. P. 60; D. 581. P. 17; D. 597. P. 11; Essays on the history of the Irkutsk CPSU organization. Part 2. Book 1. – Irkutsk, 1976. – P. 375.
16. *Shalak A. V.* On the material incentive to work under the food rationing system (by the example of Eastern Siberia in 1941–1947-s) // Historical-economic researches. – 2002. – N 1. – Irkutsk, 2002. – P. 112–116.
17. CHSAIR. F. 191. Inv. 1. D. 727. P. 3–4. Original.
18. CHSAIR. F. 185. Inv. 1. D. 254. P. 143. Original.
19. CHSAIR. F. 127. Inv. 7. D. 581. P. 17. Original.

Documents of the Great Patriotic War outbreak from the funds of the State Archive of the Contemporary History of the Irkutsk region

A. A. Ivanov

Irkutsk state university, Irkutsk

Article concerns the analysis of the documents telling about events of the first months of the Great Patriotic War in far rearward which the Irkutsk region was. The main part of the materials is being published for the first time.

Key words: the State archive of a contemporary history of the Irkutsk region, documentary material, the Great Patriotic War.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета, e-mail: sovet@penpolit.ru *Ivanov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Historical Science, Professor, the Department of Political Science and Russian History, the Irkutsk State University, e-mail: sovet@penpolit.ru*